

Превратности судьбы

Татьяна Фадеева

Отрывок из документального романа.

Автор идеи и текста Татьяна Фадеева.

ЭВАКУАЦИЯ

Поздней осенью, когда уже стоял мороз, мама вернувшись с работы сказала: «Эвакуируют нас. Надо собираться, можно взять с собой не более сорока килограммов багажа».

Узнав об эвакуации, к нам прибежала Рауха Каалске, она попросила маму: «Кертту, отдай мне Раю, тебе не справиться с двумя детьми. Если будем живы, я верну ее тебе после войны».

Мама без колебаний ответила: «Я уже потеряла одного ребенка. Рая останется со мной».

Сходили мы с мамой в магазин, хотели что-нибудь из продуктов в дорогу купить, но там были только хлеб, соль и перец. Пока мы собирались, выпал легкий снежок. Подошла грузовая машина, с полным кузовом людей и остановилась у дома. Ждали нас. Я подошла к машине, одной рукой прижимаю к себе кота, в другой - санки держу. Стою реву.

Мама вышла на улицу вместе со мной, но вдруг что-то вспомнив, вернулась. В окно я увидела, что в доме она взяла острый финский нож, его еще дед сделал, и срезала всю кожу с дивана, скрутила в рулоны и запихала в рукава. Кожа была очень хорошей выделки, тонкая и прочная, как лайка. Мама вышла из дома и направилась к машине.

Водитель выскочил из кабины, взял у меня кота и выкинул его, забрал санки и говорит: «Я потом тебе привезу и кота, и санки, туда, где вы будете жить. А сейчас залезай в машину. Все равно в поезд кота не возьмут».

Мы с трудом втиснулись в кузов машины. Людей туда набилось как селедок в бочку. Поехали!

Приехали на вокзал в Кемь. Выходим из машины, а бабушка идти не

может, у нее от тесноты и волнений ноги онемели. Пришлось ее на руках нести до вагона и в вагон заносить тоже на руках, хорошо, что люди добрые помогли.

В товарном вагоне были сделаны двухэтажные дощатые нары, а посередине топилась печка-буржуйка. В вагон могло поместиться человек, наверное, сорок-пятьдесят. Нас всех погрузили в этот вагон и повезли в Архангельскую область.

Ехали мы уже недели две, очень медленно, на каждой станции останавливались, пропуская воинские эшелоны, идущие на фронт. Иногда стояли целые сутки.

На одной из остановок мама и наша знакомая тетя Хельми Лехтонен, она ехала в этом же вагоне со своим сыном Вилье, вышли набрать воды в жестяной чайник. Очередь за водой стояла огромная. Поезд тронулся, начал набирать скорость, и мама с тетей Хельми не успели в него запрыгнуть.

Они остались растерянно стоять на перроне, а мы с бабушкой и Ирой поехали в поезде дальше. Как же мы с Ирой и Вилье горько плакали! В вагоне все пассажиры были расстроены, потому что за время долгого пути все уже познакомились и привыкли друг к другу. Когда поезд остановился на следующей станции, взрослые спросили у дежурного по железной дороге, что нам делать в этих обстоятельствах.

Он нас успокоил: «Не переживайте, здесь поезд будет стоять долго, и они вас догонят».

И на самом деле к вечеру мы дождались маму и тетю Хельми. Сколько же было у нас радости!

Как-то под вечер поезд остановился и объявили: «Конечная станция!». Значит, приехали. Это то место, куда нас должны были эвакуировать в Архангельской области.

Выходим на перрон полный народу. Толпа огромная. Снега там выпало уже довольно много. Вдруг смотрим, идет лошадь, запряженная в сани, и одна женщина сидит, правит лошадей, а вторая стоит в санях у нее за спиной, держится за ее плечи руками и высматривает что-то в толпе. Увидев нас, остановили лошадь, соскочили на землю и начали бесцеремонно расталкивать людей во все стороны, пробираясь к нам через толпу.

А мы стоим в самой гуще народа с тетей Хельми, ее сыном и ее швейной ножной машиной. Еще когда нас увозили из Подужемья, тетя Хельми взяла вместо багажа швейную машину. Водитель грузовика не хотел ее брать, но она сказала, что без швейной машины никуда не поедет, потому, что это ее кормилица.

Останавливаются эти незнакомые женщины рядом с нами, хватают с двух сторон швейную машину и тащат к саням.

На ходу кричат: «Чья машина?».

Тетя Хельми растерянно отвечает: «Моя».

А они ей: «За нами быстро!».

Тетя Хельми схватила сына в охапку и бегом за ними. Женщины погрузили в сани швейную машину, тетю Хельми с Вилье и уехали.

Мы остались на перроне. Уже темно стало, холодно, мы замерзли все. Машины за нами не пришли, которые должны были нас развезти по местам жительства. Привели нас в церковь ночевать. Это собственно и не церковь уже была, а церковное здание, занятое под какой-то склад. Посередине печка-буржуйка стоит, топится, а вокруг ящики, коробки, дрова, доски. Неуютно, но некуда деваться, все равно под крышей теплее, чем на улице.

У печки сидит на ящике пожилой мужчина голый по пояс. Дверца печки открыта, и мужчина держит снятую рубашку у самого огня. Мы с Ирой подошли поближе. Слышим какие-то звуки странные раздаются: «тык, тык, тык...». Присмотрелись, а на ржавый железный лист, лежавший на полу перед печкой, с его рубашки вши падают, да такие крупные. Это его видимо вши заели. Женщины на него ругаются, а он будто не слышит. Молча трясет рубаху. Рубаху вытряс надел, стал штаны снимать. Ну, мы тут с Ирой подальше отошли.

Внутри здания было холодно и всем хотелось подойти поближе к печке погреться. Все ругаются на него, а он как будто не слышит, ни на кого не глядя, упорно продолжает вшей из штанов трясти.

Переночевали мы там, утром пришла грузовая машина, повезли нас в леспромхоз. Он недалеко находился.

ЛЕСПРОМХОЗ

В леспромхозе нас встретил мужчина в ватнике и солдатской шапке-ушанке. У него не было левой руки, и рукав ватника был засунут в карман. Шла война, и вокруг появилось много инвалидов. Он сказал: «Давайте сначала на житье вас определим».

Нам выделили половину деревенского дома, где было две комнаты. Нас поселили в ближнюю от входа, а дальнюю комнату заняла семья американских финнов с маленьким ребенком. У нас с собой была сковородка и пара кастрюлек, начали устраиваться.

На другой день мама отправилась в контору леспромхоза оформляться на работу, а на следующий день рано утром ей уже надо было выходить в лес на лесозаготовки, не имея для такой работы ни одежды, ни обуви, ни рукавиц. Она была одета так, как одевалась вся интеллигенция в те годы.

Примерно месяц мы там уже прожили, мама работала в лесу. Мы с Ирой всегда по вечерам ждали, если кто-то пришел из соседей с работы домой, значит, мама тоже скоро должна придти. От непривычного тяжелого труда она невероятно уставала и шла с работы всегда последняя.

Как-то мы с Ирой ждем ее, от окна не отходим, все глаза проглядели. Уже все соседи домой с работы вернулись, на улице темнело. А мамы все нет и нет.

Спрашиваем у соседей: «Где же мама?».

А они говорят: «Да вроде шла, но отстала видимо».

Мы с Ирой отправились ее встречать. Уже совсем на улице темно стало. Идем по дороге, громко разговариваем, чтобы не так страшно было. Вокруг по обочинам снег лежит, только колея разъезженная, сырая темнеет. Вдруг слышим, волки воют. И как будто не очень далеко. Кошмар. Мы остановились, очень хотелось повернуть обратно домой, но мы отчаянно решили: раз мама осталась в лесу, значит надо идти дальше ее искать.

Идем, вдруг слышу, с моей стороны раздается слабый звук, как стон: «Тюттет».

Это по-фински значит «девчонки».

Я Ире говорю: «Мама где-то близко».

Идем дальше, напряженно вслушиваемся, но ничего не слышим.

Вдруг снова: «Тюттет», но еще тише, еле-еле слышно, как будто сзади прошелестело.

Я кричу Ире: «Мама где-то здесь в лесу, мы прошли это место!».

Повернули назад. Смотрим: на обочине вывернутый из земли огромный корявый пень торчит, а рядом, на мокром снегу что-то большое черное лежит. Подходим, а это наша мама. Она от слабости не смогла громко позвать на помощь. Мы давай ее тормошить, поднимать. Сама она не в силах была на ноги встать. У нас сил тоже не было. Мне тогда всего лет семь было, а Ире девять.

Не знаю, каким чудом мы ее все же подняли и доволокли до дома. Надо было видеть, как трудно мы втроем шли. Добрались домой только часам к двенадцати ночи.

Конечно, утром на работу мама выйти не смогла. Тяжелейший труд, постоянный холод, скудное питание вымотали ее окончательно. Там не было ни врачей, ни лекарств. Бабушка, как могла, пыталась ее лечить. Кто-то из соседей травой целебной поделился. Так она проболела неделю.

Через пару дней после того, как заболела мама, утром я еле пришла в школу, есть хочется, спать хочется, слабость сильная и головокружение, сижу за партой и дремлю. Конечно, маленький кусочек хлеба на завтрак может только жизнь поддержать, а не насытить, но когда и его нет, совсем плохо приходится.

Учительница подходит и спрашивает: «А ты чего же, Рая, ничего не пишешь?».

Я ей отвечаю: «Кушать хочу и спать хочу, нам карточки на хлеб не дали».

Мама не вышла на работу первого числа, когда выдавали хлебные карточки и мы их не получили, еды дома не было никакой. На второй день бабушка сходила за карточками в контору леспромхоза, но ей их не дали. Бабушка совершенно не знала русского языка, говорила по-фински и ее не понимали. Видимо мастер доложил директору, что мама на работу не вышла, а разбираться в причинах ее отсутствия никто не стал.

Учительница у нас молоденькая еще совсем была, она легонько погладила меня рукой по голове и говорит: «Хорошо, спи пока, уроки закончатся, вместе

пойдем к директору».

Она даже вроде бы раньше детей отпустила с уроков. Приходим мы с ней в контору, а там за столом сидит средних лет мужчина круглолицый такой, упитанный.

Учительница ему говорит: «Посмотрите на ребенка, девочка от голода еле ходит. Ее матери продуктовые карточки не выдали».

Он спрашивает: «Как фамилия матери?».

Я назвала.

Он открыл ящик стола, достал четыре карточки, швырнул мне их и говорит: «Нате, покупайте хлеб, но матери не давайте».

Ужас просто!

УЛЕДИ

Наступила зима, морозы стали крепчать. Из колхоза приезжали местные жители, привозили продукты и мы меняли одежду на картошку, хлеб, муку.

Как-то мы с мамой отправились на рынок, мама взяла с собой два куска кожи, которые срезала с дивана, когда мы уезжали из Подужемья. Она показала кожу продавщице и та дала нам полведра картошки и большой круглый каравай домашнего хлеба.

Через неделю мы снова пошли туда же.

Продавщица нас сразу узнала и даже как-будто ждала, она подозвала маму и спросила: «Кожа есть?».

Мама показала еще два куска кожи, и она снова обменяла их нам на продукты. Из кожи шили обувь, легкую как тапочки. Называлась она «уледи». В них ходили и дети, и взрослые. Уледи закрывали всю ступню, а рядом с косточкой сбоку делали шов и отверстия, через которые протаскивали веревку или резинку, у кого что было. Веревку затягивали, завязывали, и внутрь самодельной обуви снег не попадал. Для тепла вокруг ноги наматывали обмотки почти до колена.

Ире тоже сшили такую обувь, зато мне достались ботинки, ставшие ей малы.

К этому времени мы уже много чего из своей одежды успели поменять на продукты, чтобы не умереть от голода. Жить становилось все тяжелее и тяжелее. Мы просто медленно умирали от голода и холода.

Однажды поздно ночью раздался стук в дверь, мама тревожно спросила: «Кто там?».

А за дверью женский голос отвечает: «Здесь ли живут две девочки Ира и Рая, бабушка и их мама Гертруда Йоносовна?».

Мама говорит: «Это я».

Ей приказывают: «Собирайтесь быстро».

Мама даже не спросила, куда собираться и что случилось, потому, что хуже уже быть не могло. Мы вышли на улицу, а там стоят две деревенские женщины рядом с лошадью, запряженной в сани.

Одна из женщин спрашивает маму: «Вы Хельми Генриховну знаете?».

Мы хором отвечаем: «Знаем!».

«Она попросила найти вашу семью. А за это обещала всю деревню бесплатно обшить. Мы ее просьбу выполняем, поторопитесь, пожалуйста», - сказала вторая

женщина.

Они погрузили наши скудные пожитки в сани, усадили нас, накрыли сеном. Очень хорошо мы до деревни доехали.

МИШИНА ГОРА

Называлась деревня Мишина гора. Мы вошли в небольшой домик, в какую-то очень теплую комнату. Я уже почти не ходила от голода, меня положили на кровать, и тетя Хельми сидела рядом и не позволяла никому меня кормить. Корочку хлеба засунула мне в рот и велела ее сосать. Нельзя было с голоду наедаться, я могла умереть.

На следующий день местные жители, узнав, что в деревню привезли истощенных от голода эвакуированных детей, понесли нам кто яичко, кто полчашки молока, кто кусок домашнего хлеба, кто немного творожку. Простые деревенские женщины, совершенно незнакомые нам несли, кто что мог. Спасли они нас тогда. Понемногу мы начали возвращаться к жизни.

Через несколько дней нам в деревне дали полдома. Летнюю половину, правда. В одной половине жили хозяйева, а вторая стояла пустая, в ней жили только летом. Мы все вместе тетя Хельми с сыном, мама, бабушка и мы с Ирой устроились в этой половине дома жить. В колхозе нашлась какая-то работа для мамы. Нам выдали карточки на хлеб, правда, купить его можно было только в соседней деревне Лобаново, расположенной за несколько километров от Мишиной горы. В нашей деревне не было ни магазина, ни школы. Каждый день ходить за хлебом было сложно, поэтому мы ходили через день или два. Хлеб давали по норме, дома мама делила его на всех, но никто чужой кусок никогда не съедал.

Мы с Ирой пошли в школу. Школа находилась тоже в Лобаново. Дорогу сильно заметало, особенно в метель и пургу, снег доходил до колен. С трудом дойдем с Ирой до школы, а в классе учительница, ставит нам у горячей печки свой стул и говорит: «Садитесь, девочки, грейтесь и сушитесь». Целый урок иногда сушишь промокшие ботинки и чулки, валенок у нас не было.

БАБУШКА

Наша бабушка уже не вставала, мы ее кормили с ложки, сама она не могла кушать, в основном это делала мама перед уходом на работу.

Помню в один из зимних дней стоял сильный мороз. Мама ушла на работу. Мы с Ирой не пошли в этот день в школу и полезли греться на теплую русскую печь. А рядом с печью на лежанке спала бабушка. Надо было через бабушку перелезть, и я нечаянно наступила ей на ногу.

Я говорю: «Бабушка, миленькая, извини, я не хотела тебе больно сделать».

Она ничего мне не ответила. Мы с Ирой, притихшие, долго лежали на печке.

Когда мама пришла с работы, мы тихонько слезли с печи, и я рассказала ей, что наступила бабушке нечаянно на ногу, извинилась, а она мне ничего не ответила, рассердилась, наверное очень.

А мама печально сказала: «Бабушка умерла сегодня утром. Я вам не стала об

этом говорить, потому, что боялась, что вы испугаетесь и из дома убежите».

Мужчин в деревне не было, все ушли на фронт, остались только мальчишки-подростки. На складе работал один мужик - инвалид с одной ногой. Да еще пара старичков малосильных. Председателем колхоза была женщина, она послала кого-то помочь маме яму на кладбище выкопать, дала ей колхозную лошаденку.

Я удивилась, увидев в окно, как мама пригнала лошадь, запряженную в сани, ловко повернула ее в нашем маленьком дворе, успокаивающе похлопала рукой по шее, и по одному этому уверенному движению было понятно, что она умеет обращаться с лошадьми. Тетя Хельми к лошади не смела даже подойти.

Мама с тетей Хельми притащили грубо сколоченный гроб. Один из местных старичков из досок его смастерил. Мы, дети смотрели по очереди в дырочку, оттаянную ладошками в морозном узоре маленького окошка, и я навсегда запомнила, как тетя Хельми с мамой вдвоем с огромным трудом, на пределе последних сил тащили тяжелый гроб с телом бабушки до саней.

Они вдвоем поехали бабушку хоронить, а нас дома закрыли, чтобы мы никуда не ушли. Помню, что сын тети Хельми Вилье сидел рядом со мной на кровати и все время что-то настойчиво спрашивал, а я не могла ему ответить, потому что была очень расстроена. Так мы похоронили бабушку. Шел 1943 год.

ЕЛКА

Накануне Рождества и Нового 1944 года наши мамы решили устроить нам праздник и принесли из леса небольшую пушистую елочку. А украсить-то ее нечем! Нет ни бумаги, ни клея, ничего нет, из чего можно было бы сделать елочные игрушки.

Тетя Хельми раздобыла где-то немного мякины, замесила из нее тесто, слепила симпатичные маленькие фигурки животных и человечков. Затем испекла их в печи, приделала веревочки и повесила на елку. Очень красиво получилось.

К нам заглянул один наш приятель из деревенских детей, увидел эту красоту и уже через полчаса все ребятишки из Мишиной горы прибежали посмотреть на эти румяные печенюшки, елочные игрушки.

Тетя Хельми ребят близко к елке не подпустила, даже для большей убедительности протянула перед елкой веревку и сказала: «Это украшения, их нельзя кушать, они колючие очень, потому что из мякины».

Смышленные деревенские дети сбегали домой, и принесли кто полбуханки хлеба, кто еще что-то и предложили меняться.

«Я не могу поменяться с вами, ваши родители ругаться будут. Это печенье есть нельзя», - объясняла им тетя Хельми.

Ребята ее все же уговорили. Тетя Хельми поменяла елочные игрушки из мякины на хлеб. Может наша елка стала и не такой нарядной без украшений, зато у нас получился сытный праздничный ужин.

ВЕСЕЛЬЕ

Помню, как-то зимой нам с Ирой уж очень хотелось кушать, а дома ничего съестного не было, «хоть шаром покати». Мы решили пройтись по деревне в надежде, что может кто-нибудь нас накормит. Отправились втроем, с нами пошел

сын тети Хельми Вилье.

Постучались в дверь к одной старушке. Ира вытолкнула меня вперед. Она меня всегда вперед выталкивала, когда надо было разговаривать с незнакомыми людьми.

Старушка нам открыла, я ей и говорю: «Бабушка, нет ли у вас, чего-нибудь покушать? Очень кушать хочется».

И крестимся. Креститься ведь научились, потому, что народ в деревнях был очень религиозный.

Бабушка впустила нас в дом, принесла железную миску и налила в нее примерно литр простокваши, дала нам по ложке и сказала: «Ну, ешьте, больше у меня ничего нет».

Мы сели, начали наперегонки ложками работать. Да так громко у нас получалось ложками по железной миске стучать! Такая веселая «брякотня» началась, что все мы дружно расхохотались. До чего же весело мы смеялись!

Все время повторяли: «В пузо хоть что-то попало, так и весело стало!».

Бабушка смеялась вместе с нами до слез, а отсмеявшись, сказала: «Таких веселых нищих я еще не видела. Не похожи вы на нищих-то».

Мы поблагодарили бабушку, и пошли домой. По дороге все никак не могли угомониться, то и дело принимались хохотать.

АНФИСА

Но не всегда нам так везло, как в этот раз, встречали мы и не добрых людей. Однажды я осталась дома одна, не помню почему мамы и Иры не было дома, и вдруг внезапно ощутила чудесный запах хлеба. У меня даже закружилась голова от этого благоухания, я почувствовала, что очень хочу есть. Это был не просто запах хлеба, а теплый аромат только что испеченного хлеба. Я вышла из дома и направилась на соседскую половину дома, меня вел туда голод. Робко постучалась и вошла в сени, хозяйка соседской половины Анфиса приоткрыла дверь в избу, но не впустила меня. Я тихо спросила, не найдется ли у нее кусочка хлеба. Она, наклонилась ко мне и глаза в глаза не громко, но резко ответила, что нет у нее хлеба. В дверном проеме я увидела, что двое детей Анфисы сидят за кухонным столом и макают пышные ломтики только что испеченного хлеба в миску со сметаной. Мне стало так стыдно и обидно, что я вернувшись домой, бессильно присела в наших темных сенях на корточки и горько заплакала. Обидно мне было за себя, а стыдно за нее.

Принято считать, что дети ничего не понимают, на самом деле дети понимают все так же, как и взрослые, но не могут справиться с этим пониманием, выразить, как взрослые, свое понимание не могут.

У Анфисы было двое детей и муж, он вернулся с войны инвалидом. Явление тогда не редкое. Мужик в семье даже без ноги - это достаток в доме. По деревенским меркам жили они справно, не голодали, не смотря на то что шла война.

Некоторое время спустя произошла еще одна история. Как-то играли мы дома на своей половине втроем Ира, Вилье и я, и вдруг с потолка из дыры в углу на пол упала мороженая луковица. Может быть крыса, пробегая по чердаку, ее задела.

Вилье залез на стол засунул руку в дыру в потолке и нащупал еще несколько мороженных луковиц. Мы, постоянно недоедавшие, измученные голодом дети жадно съели сладковатую мякоть, мгновенно ободрав лук от кожуры. Вонзая голодные зубы в сладкую промороженную мякоть, мы даже и не думали, что совершаем что-то плохое. Через несколько дней Анфиса зашла к нам домой на нашу половину, когда мамы не было дома, и отчехвостила нас по первое число за то, что мы, голодранцы эвакуированные, сожрали весь ее лук с чердака.

Спустя много лет после войны, мы тогда уже жили всей семьей в селе Деревянное я получила от Анфисы покаянное письмо. Она просила у меня прощения за свою жадность, писала, что конечно, могла нам тогда помочь, но не захотела, жадность ее одолела. Просила ответить на ее письмо, если я ее прощаю. Не знаю правильно я поступила или нет, но я не стала отвечать на ее письмо. Не могла простить. Как она нашла наш адрес не знаю. Слухами земля полнится.

Зимой мы особенно жестоко голодали. Летом мы собирали грибы и ягоды. Ягоды ели сырыми или с кашей. Какую-то крупу покупали по карточкам и мешали с ягодами. Съедали все, что находили в лесу, делать заготовки на зиму не было возможности. Сахара не было, соли тоже не было.

Грибы сушили, потом на столе скалкой или бутылкой разминали, превращая в грибную крошку или муку, протирали через сито. Вареные грибы уже есть не могли. Столько времени и на постоянно голодный желудок - одни грибы! В сухие, смолотые грибы добавляли ягоды, натолчем все вместе и едим. Мука грибная заменяла толокно. Туда еще добавляли ваниль.

Кстати, грибы, смешанные с ягодами, дают очень интересный вкус. Ваниль использовали вместо соли и сахара, чтобы как-то разнообразить вкус. Вот такую бурду ели. С тех пор уже много лет прошло, а я все еще ненавижу грибы и запах ванили.

ВЕСНА ИДЕТ...

Как-то уже под весну вечером на улице крупными хлопьями валил мокрый снег. В дверь нашего дома постучала незнакомая женщина и спрашивает: «Лавикка Гертруда Йоносевна здесь живет?».

Мама отвечает: «Да, это я».

Женщина подает ей большой, из газеты склеенный, треугольный конверт. Надпись, сделанную на нем химическим карандашом, разобрать было трудно, ее почти размыло. Конверт видимо прошел через множество рук, часто попадал под снег или дождь. Его долго гоняли по адресам, он был изрядно потрепан. Мама очень удивилась, что его все же доставили.

Она открыла загадочный конверт, в нем оказались пять рублей и короткое послание от Раухи Каалске, маминой подруги из Подужемья.

Всего несколько слов было в нем написано: «Я нахожусь там-то, держитесь».

Эта трогательная забота очень взволновала и согрела нас. Тогда все старались помочь друг другу, чем могли.

Весной маме в колхозе выделили большой участок, засеянный льном. Когда

лен вырос, надо было его выдергивать. Пока поле не вычистишь ото льна, трудодни не начислят. Мы втроем ходили дергать лен, мама, я и Ира. Иногда Вилье, сын тети Хельми нам помогал.

Дергаешь лен, а он колючий. Семечки у него уж очень колючие. Руки у нас непривычные к такой работе, нежные, а ни рукавиц, ни перчаток нет.

К вечеру руки становятся темно-зеленого цвета от льяного сока, ладони все в занозах, пальцы отказываются служить, все руки в мозолях, кровоточат даже. Мы их попарим в горячей воде, а на следующий день мама кусочек ткани от единственной простыни оторвет, обмотает нам руки, и мы снова идем дергать лен.

В один из дней по дороге с работы я почувствовала себя очень плохо.

Мама прикоснулась к моему лбу и воскликнула: «Да ты вся горишь!».

Когда пришли домой, измерили температуру. У тети Хельми к счастью был градусник. А ртуть в градуснике подскочила к отметке сорок градусов. Мама меня уложила, осмотрела руки и увидела, что у меня началось заражение крови. Воспаление пошло от ладони вверх по вене к локтю. Грязь видимо попала в ободранные в кровь льном ранки.

Мама где-то раздобыла сырую картофелину и, натерев ее, привязала к моей руке. Она долго сидела рядом со мной, крепко держа повязку, чтобы я нечаянно не сдвинула ее. И где она только эту картофелину нашла? У нас и картошки-то не было.

Около часа, а может быть и больше мама держала драгоценную повязку, чтобы она случайно не съехала. Я почувствовала, что температура стала спадать и уснула.

Утром, когда я проснулась, мама, улыбаясь, спросила: «Ну вот, опять спаслись, теперь дальше жить будем?».

На работу мама меня больше не брала. Закончили они лен дергать вдвоем с Ирой. Трудодни за эту работу оплачивали деньгами или продуктами. Мама взяла картошкой и мукой.

По соседству с нами жила одинокая старушка в большом старом доме. Как-то она зашла к нам и говорит: «Сегодня Радоница – пасха мертвых, пойдемте ко мне на обед. У меня на этом свете никого нет, все мои родные там». И махнула неопределенно рукой в сторону. Нам стало жалко ее, и мы отправились к ней в гости.

Дом у старушки был огромный, рассчитанный на большую семью. В деревне все дома устроены одинаково. Кухня с русской печью, в комнате солидный стол, по стенам длинные лавки. На столе стояла посуда, разные тарелки, миски, деревянные ложки. Бабушка приготовила на обед какой-то суп и пироги.

Она сказала нам: «Садитесь за стол, только вот эти три места для мертвых оставим».

Окно было открыто и на подоконнике лежало длинное вышитое по краям полотенце, такое же полотенце висело над зеркалом. Конец одного полотенца был постелен на стол и на нем стояли три тарелки с супом, а еще четыре на столе рядом.

«Подождем, пока они поедят, потом будем кушать мы», - сказала бабушка.

Долго, боясь пошевелиться, мы сидели и смотрели на полотенце.

Наконец бабушка тихо произнесла: «Видите, полотенце шелохнулось».

Немного погодя раздался в тишине резкий звук, словно ложкой стукнули о тарелку. Кто-то из нас, наверное, нечаянно задел ее. В открытое окно тянуло холодом, и мы сильно дрожали то ли от холода, то ли от страха перед встречей с мертвыми.

«Ну вот, теперь можно и нам кушать», - наконец разрешила старушка.

Мы, испуганные и притихшие, быстро поели и отправились домой. Три тарелки с супом так и остались, конечно, стоять на столе нетронутыми.

Мама была атеисткой и в загробную жизнь не верила, чтобы нас успокоить она сказала: «Если долго смотреть на какой-нибудь предмет, то всегда начинает казаться, что он движется».

Все равно впечатления у нас с Ирой после этого обеда остались не самые приятные.

В колхозе нашей семье выделили небольшой участок мелкого березняка для заготовки дров. Мама начала деревья пилить лучевкой, это такая пила. Рубить сучки мы не умели. Мама свалит дерево, срубит сучки, перепилит дерево на чурки, а мы с Ирой таскаем их на дорогу.

Потом председатель колхоза дала маме лошадь. Мы на этой лошади, запряженной в телегу, привезли дрова домой. Мы с Ирой обдирали с чурок бересту, потому что сырую березу растопить сложно. Бересту и все щепки тщательно собрали и высушили на печке. Целую неделю мы занимались заготовкой дров.

Под конец мама свалила одну стройную сосенку, распилила ее на более длинные чурки.

«Это для лучины», - говорит.

Их мы тоже занесли домой и высушили. Мама аккуратно острым ножом настрогала из них лучин. Это было непростое дело, лучины должны быть широкими, тонкими и довольно длинными. Керосина или свечей не было, электричества и подавно. Стены в избе были бревенчатые, все в трещинах, и лучина, воткнутая в трещину, держалась хорошо.

Лучину зажигали, когда она сгорала, и пламя немного не доходило до стены, лучину тушили, снимали и ставили другую. Такое в деревне было освещение по вечерам. При лучине мы с Ирой уроки делали, а мама штопала и зашивала порванную одежду.

ПАСХА

Пасха в этом году выпала на одно из апрельских воскресений. В прохладный еще весенний день все население Мишиной горы высыпало за околицу. Ире к празднику тетя Хельми сшила новую юбочку из ткани с рисунком в елочку, не из новой конечно, переделала из старья, но получилось очень красиво. А у меня ничего нового из одежды не было и я устроила маме «концерт». Я кричала и плакала, что бедной мне нечего надеть на праздник. Мама вытащила из чемодана маленькую ярко-желтую наволочку от подушки-думочки, и чтобы не портить ее, аккуратно подпорол швы, сделав отверстия для рук и головы. Получилась яркая кофточка для меня, я надела ее поверх своей одежды. Тетя Хельми накинула мне на шею, отпоротый от чего-то красивый вязаный воротничок с завязками и я

отправилась на пасхальное гулянье нарядная и довольная, зажав в кулачке темно-красное яичко, выкрашенное луковой шелухой. Такое же яичко было в руке у Иры.

За околицей народ столпился вокруг высокого молодого парня, там шла традиционная пасхальная игра. Парень «кокался» своим крашеным яйцом с детворой и со взрослыми неизменно побеждая всех подряд. Его крепкое яйцо было как-будто заговоренное. Он собрал уже целую корзинку побитых им яиц. Кто-то из проигравших ему свое яичко детей уже заливался горькими слезами. И простое некрашеное яйцо было тогда драгоценностью, что говорить о пасхальном красном яичке. Голод же был, шла война. Не прошло и пяти минут, как и мы с Ирой расстались со своими красными яичками, они, «кокнутые» невероятно прочным яйцом парня уже лежали в его корзинке. Мы с Ирой стояли с разинутыми от неожиданной обиды ртами, глаза непроизвольно наполнялись слезами. Мы обе были готовы громко зареветь от горя горького.

Но события начали разворачиваться самым неожиданным образом. Неподалеку от места, где происходили состязания, на бревне сидел старичок и внимательно наблюдал за происходящим. Когда парень обобрал уже почти всю деревню и собрался уходить, дед поднялся со своего места, подошел к нему и сказал: «Я тоже хочу сыграть. Только ты мне свое яйцо на время дай. Я им поиграю».

Парень долго упирался, не хотел выпускать свое яйцо из рук, но все дети вокруг закричали, требуя чтобы он отдал яйцо старику, подошли и немного выпившие по случаю праздника взрослые. Старик взял в руки яйцо и показал всем, что оно не настоящее, а деревянное. Он заставил разоблаченного мошенника вернуть все выигранные им яйца, сам доставал их из корзинки и раздавал, спрашивая каждого, сколько у кого было яиц. Вернул и нам с Ирой наши пасхальные яички. Дети перестали плакать, взрослые засмеялись. Парень под шумок куда-то исчез, и вовремя, а то его могли бы не на шутку и побить за такие проделки.

ЧЕМОДАН

Помню, у нас дома лежал большой коричневый чемодан с металлическими уголками, мы с ним отправились в эвакуацию, теперь он уже почти пустой был. Большую часть вещей мама продала или обменяла на продукты. На дне чемодана лежала фотография большого коллектива учителей, среди них был и наш папа. Судя по надписи на обороте, эту фотографию сделали в 1931 году в Москве на Конференции ударников коммунистического труда народного образования. А еще в чемодане хранилась блестящая золотого цвета медаль, мама очень ее берегла.

Мне захотелось пофорсить и я, нацепив красивую медаль себе на кофту, отправилась гулять. На улице было по-летнему тепло, и я долго играла с деревенскими ребятами, а домой вернулась уже без медали. Не заметила, как потеряла ее.

Как-то мама заглянула в чемодан и, не обнаружив медали, очень расстроилась.

Строго спрашивает нас с Ирой: «Где же медаль?».

Я честно призналась, что это я ее потеряла.

Мама была сильно огорчена, она печально сказала: «Я очень берегла эту медаль, потому что это единственная память о моем брате Гуннаре Нордлинге, он

учился вместе со мной и вашим отцом в Коммунистическом университете в Ленинграде. На крупных спортивных соревнованиях по лыжам, где он победил, ему торжественно вручили эту медаль. Его тоже, как и вашего отца арестовали».

Мне долго было стыдно за свой поступок, тогда я впервые ощутила муки совести и не забуду этого тяжелого чувства никогда. Я вспомнила, как еще за год до ареста отца, зимой к нам в Паданы на лыжах из Петрозаводска примчался дядя Гуннари. Оставалось минут пять до наступления Нового года, в доме стояла наряженная елка, мама хлопотала у стола, как вдруг во дворе послышался шум, упала лыжная палка, раздался топот на крыльце и в наш дом в клубах морозного пара ввалился рослый молодой мужчина. Я была маленькой и он показался мне огромным. Дядюшка подхватил меня на руки, подкинул к потолку, и я радостно визжала от внезапно нахлынувшего счастья.

Мы с Ирой знали, что Санта-Клаус живет в Финляндии и по-фински именуется Йоулупукки. Нам рассказывала бабушка Аманда, что сильные морозы случаются, когда Санта-Клаус в Лапландии сердится на проделки непослушных детей. Увидеть настоящего Санта Клауса было нашей мечтой! Это он, Санта-Клаус, решили мы с Ирой, он просто притворился дядюшкой, чтобы мы его не испугались. Гуннари снял с плеч рюкзак и вывалил из него на стол конфеты, печенье, пряники — ну чем не Санта-Клаус? Он настоящий!

Много лет спустя нам стала известна более подробная информация о судьбе маминого брата. Нордлинг Гуннар Йонасович 1899 года рождения, член ВКП(б), проживавший в Ленинграде, был арестован 12.11.37 года.

Приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12.01.38 года по статье 58-6 (шпионаж) УК РСФСР к высшей мере наказания, то есть к расстрелу. Расстрелян 18.01.38 года. Место расстрела Ленинград.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЭВАКУАЦИИ

Как-то раз поздно вечером я с температурой лежала на кровати в комнате. Болела я очень часто. А мама и тетя Хельми сидели на кухне и тихо разговаривали. У нас радио не было, но видимо где-то они его слушали. Шел уже 1944 год, у людей появилась надежда на возвращение из эвакуации домой.

Сквозь болезненную дрему я слышу, тихий мамин голос: «К чему мы вернемся неизвестно, и здесь все вещи проданы, ничего не осталось, как будем жить?».

А тетя Хельми так же тихо отвечает: «Успокойся, не переживай, справимся. У меня один сын, да и у тебя вряд ли Рая выживет, так сильно болеет все время. Останется одна Ира. С одним ребенком ты легко справишься».

Меня, как ножом по живому, больно резанули эти слова. Уже на следующее утро я сидела на краю кровати, свесив босые ноги, температура, конечно, была, но мне стало значительно легче. Соседка из деревни принесла какой-то отвар из трав, напоила меня. К вечеру опять принесла какую-то целебную траву, и мама заварила ее для меня. В общем, мне стало лучше. Недели две я промучилась, но поправилась. Отпоили меня лечебными травами.

А слова тети Хельми злой обидой врезались в память навсегда. Значит, очень

мне жить хотелось.

Немного прошло времени и на самом деле все вокруг заговорили о том, что скоро можно будет из эвакуации возвращаться домой. Нам сообщили, что уезжающим дадут подводы, на станцию будут поданы вагоны, и желающие могут отправляться к местам прежнего проживания.

Товарный вагон был точно такой же, как тот, в котором мы приехали сюда. В нем тоже были двухэтажные нары, печка - буржуйка топилась посреди вагона.

После болезни меня с ног до головы обсыпало болячками, все тело было в чирьях. Их не было только на ладонях, ступнях и лице. Видимо это был тяжелый авитаминоз от долгого недоедания. Я не могла спать лежа. Стоя спала как лошадь. Иногда в изнеможении дремала на коленях у мамы. Я не могла ни лежать, ни сидеть, ни стоять, просто наказание какое-то. Стоило сесть или лечь, гнойники прилипали к одежде и причиняли такую сильную боль, что хоть криком кричи.

Какой-то сердобольный старичок, посмотрев на мои мучения, сказал: «Доченька, миленькая, иди, ложись на мою постель, а я рядом посижу. Мочи нет смотреть на твои страдания».

А я ему отвечаю: «Дедушка, спасибо, не могу я лечь, у меня все болит».

КАПУСТА

Мы приехали в Кемь осенью 1944 года, на улицах уже лежало довольно много снега. Нас поселили в один из барачков на окраине. Там, похоже, когда-то школа была, двери из больших комнат в длинный холодный коридор открывались двумя створками. Такие двери обычно в классах делали.

Нас разместили в одной комнате вместе с женщиной - ингерманландкой, звали ее тетя Лиза Повилайнен и ее дочерью Зиной. Муж тети Лизы тоже был арестован в 1937 году, но отправлен отбывать срок не в Свердловскую область, как наш отец, а в Казахстан на медные рудники. Тетю Хельми с сыном и швейной машиной поселили где-то в другом месте. В большой холодной комнате с грязным ободраным полом стояла круглая печка-голландка, две голые железные кровати и что-то вроде стола. У тети Лизы оказался примус, на нем мы готовили скудную еду.

Когда мы шли к барачку, я заметила у железной дороги огромную, припорошенную снегом кучу, там лежало что-то круглое, похожее на мячи, но что это было, я разглядеть не смогла, было уже темновато.

Утром мама ушла оформляться на работу, а я отправилась посмотреть, что там такое круглое лежит. Подхожу и вижу, что это кочаны мороженой капусты для проходящих воинских эшелонов, а охраняет эту кучу часовой.

Я подошла, взяла в руки один небольшой кочан, мне было уже все равно: застрелит меня солдат, так застрелит. Патрульный сделал вид, что меня не заметил, отвернулся и пошел в другую сторону. На подгибающихся от страха ногах я понесла тяжелый кочан домой.

Когда мама вернулась вечером с работы, грустно улыбаясь, сказала: «Кормилица ты моя».

Так я ходила каждый день и брала по одному кочану капусты, пока ее оттуда не

вывезли. Ира со мной не ходила, но очень переживала за меня, всегда с тревогой смотрела в окно, ждала, вернусь я или нет. Никто из охранявших эту кучу солдат ни разу не сказал мне ничего плохого, хотя караул сменялся каждый день. Эту мороженую капусту мы варили и ели, она тоже помогла нам выжить.

Текст романа опубликован по адресу 0 <https://www.proza.ru/2016/03/03/906>